

4-349

А. ЧЕГЛОК

ПО АВСТРАЛИИ

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

ПОРОЖДЕНИЕ
ЕХИДНЫ

ИЗД-ВО ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА МОСКВА-1925-ЛЕНИНГРАД

Проб. 1969

Нелм

4-349

Порождение ехидны

(О ехиднах)

✓

8125

44880

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

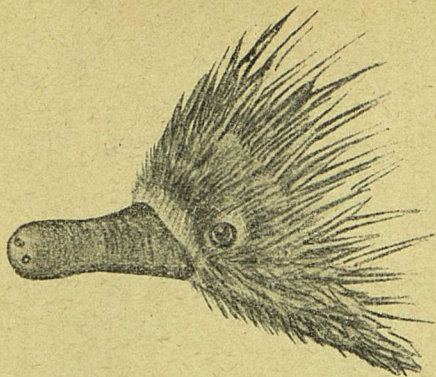
Главлит № 25.883. Тираж 5.000 экз.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В.И. ЛЕНИНА
Ф-19148-42

668842 кх-ред.

Российская государственная
детская библиотека

59148

Порождение ехидны

(О ехиднах)

Это выражение переносит меня к дням моего раннего детства в маленький уездный городок.

С правой стороны нашего дома мы имели соседом Владимира Владимировича, бывшего николаевского офицера, мужчину широкоплечего, с огромным лицом, которое казалось еще больше от плоского выбритого подбородка и длинных бак.

Он тихо доживал свои дни в маленьком домике. В его саду росла великолепная малина и, когда ягоды поспевали, он часто угощал меня ими.

Другая часть нашего забора примыкала к огороду Калии Дмитриевны — Калка, или Скалка, как мы, детишки, упростили ее имя.

Калия Дмитриевна была тоже старая, одинокая, но, в противоположность Владимиру Владимировичу, слыла за женщину с злым языком. У нее в саду рос прекрасный крыжовник.

Не помню, по какой причине Калия Дмитриевна и Владимир Владимирович враждовали друг с другом.

Калия Дмитриевна говорила про Владимира Владимировича, что он — басурман, потому что целый день трубки не выпускает изо рта.

Когда поспевала малина, старушка спрашивала меня: — Чай, и малина-то у него вся табаком пропахла? — Но чем больше я хвалил малину Владимира Владимировича, тем больше сердилась она.

С другой стороны, Владимир Владимирович неизменно спрашивал меня, — не наколот ли я язык о колючки. Он пресерьезно

уверял, что в каждой крыжовенке Калии Дмитриевны сидит колючка.

Я смеялся и, в свою очередь, уверял, что у Калии Дмитриевны превосходный крыжовник.

— А вот погоди, погоди,—узнаешь сам, когда язык проколешь!

Но ни та, ни другая сторона не могли уменьшить моего желания полакомиться малиной или крыжовником.

Я хорошо знал, когда наши соседи бывали в саду.

Досчатый забор с крупными щелями оказывал мне в этом отношении незаменимую службу.

Стоило мне убедиться, что кто-нибудь из обладателей ягод находится в саду, и я лез на забор, садился верхом и терпеливо ожидал приглашения.

Старик и старуха любили меня и часто звали обирать малину или крыжовник. Но, если они оба оказывались в саду, то начинали друг друга язвить, и у них происходила как бы словесная война.

Ни один из противников не хотел считать себя побежденным, хотя чаще всего первым отплевываясь уходил с поля битвы николаевский вояка.

Превосходство Калии Дмитриевны над Владимиром Владимировичем заключалось в том, что она говорила гораздо скорее и больше, чем тот.

Не помню теперь, из-за чего у них произошло генеральное сражение, на долгое время прекратившее дальнейшие стычки.

На свой наблюдательный пост за забором я попал уже в самый разгар сражения, когда у Владимира Владимировича, сердито дергавшего свои баки, точно из пушечного жёрла выскакивали басовые ноты, а в ответ на них, как бесконечная трескотня пулемета, звенел тонкий голосок Калии Дмитриевны, сопровождавшийся пристукиванием кулака о ладонь.

Слова выбирались самые язвительные, самые колкие, и на этот раз Калия Дмитриевна торжествовала.

— Да, да, доподлинно известно: никого не обманете! Все хорошо знают, от какой ма-лины у вас нос малиновый стал. Все в го-роде видели, как вы под забором валялись.

— Сказывали мне верные люди, что псы вас в уста целовали. Опоганили ваш рот... Епитемью наложат и мундир скоро отнимут... Не будете больше красоваться в нем...

Тщетно Владимир Владимирович пытал-ся опровергнуть эту клевету. Калия Дми-триевна все более и более горячо уверяла его в действительности всего этого и довела Владимира Владимировича до того, что он громовым голосом закричал:

— Порождение ехидны!—и пошел прочь. Но оказалось, что он рано признал себя побежденным.

Слова эти оказали необыкновенное дей-ствие на Калию Дмитриевну.

Поток ее красноречия моментально оста-новился, точно она поперхнулась костью.

— Как же это? Что же это? Родители мои драгоценные! За что же это он опозо-рил вас?

— Будьте, голубчики мои, свидетелями! Я этого позора не перенесу! Как он офицер, так он думает, что на него управы нет? Нет, голубчик, там тебе покажут! Как, значит, за меня некому заступиться, так меня, сироту, обижать можно? Будьте, милые мои, свидетелями,—тщетно взывала она, но свидетелем был только я, наблюдавший сквозь щель забора и не считавший нужным обнаруживать свое присутствие.

— Папенька, маменька, на кого же вы меня оставили, бедную!—воскликнула она и вдруг упала на землю и зарыдала.

Я опрометью побежал. Никому я не сказал о том, что произошло со стариками. Мне казалось, что случилось что-то ужасное.

И, хотя я больше питал расположения к старику, мне все же было неловко за него, стыдно, что он произнес такое ужасное ругательство, как „порождение ехидны“...

Слезы Калии Дмитриевны вызывали у меня жалость к ней.

Я не понимал смысла этого ругательства, но предполагал, что оно такое ужасное,

что не решался расспрашивать, что оно означает.

Что такое ехидна?

Где она водится?

Я узнал, что ехидной называют одного небольшого зверька вроде нашего ежа.

Любопытство мое было удовлетворено и всякий интерес к ехидне у меня пропал.

Лишь впоследствии, при чтении научных книг, я узнал, какой большой интерес представляет собой этот зверек.

Ехидна гораздо крупнее нашего ежа.

Шкура у нее тоже иглистая, буровато-желтого цвета, но иглы ее гораздо длиннее и толще. Точно так же, как и еж, она при опасности сворачивается в клубок.

Ноги у нее сильные, с крупными когтями, напоминают ноги крота. Эта сила ног ей необходима для добывания пищи.

Она разрывает термитовые и муравьиные холмы, роется под корнями или разламывает и расщепляет стволы старых, сгнивших деревьев.

Пищей ей служат всевозможные личинки, мелкие насекомые, но, главным образом, муравьи и термиты.

Для такого рода пищи у нее есть удивительный клюв. Этим клювом ехидна привлекает к себе внимание каждого.

Ехидна—зверь, как зверь, на четырех ногах; она покрыта снизу шерстью, а сверху иглами. Вместо морды у нее узкая роговая трубка, имеющая на конце только два маленьких отверстия—ноздри — и отверстие, служащее ртом, в которое высовывается язык.

Конечно, при таком устройстве сросшихся челюстей, никаких зубов у ехидны нет, да и не нужны они ей, так как язык ее и небо усажены тонкими мелкими шипиками, или зазубринами, напоминающими собой насечки напильников.

Язык она может высовывать очень далеко, наподобие наших дятлов. Он покрыт густой слизью. Всовывая свой клюв в муравьиные кучи или под кору деревьев, она еще дальше просовывает свой липкий язык, к которому пристают десятки обеспокоенных

муравьев. Она слизывает их и вновь засовывает свой клюв в другие муравьиные ходы...

Так же хорошо служит ей клюв при осмотре гнилых деревьев. Ехидна без труда может запустить свой клюв и язык под кору, а если она чувствует присутствие насекомых или их личинок в древесине, то начинает делать то же, что и дятел; но раздалбливать деревья своим тупым клювом она не может, для этого служит ей пара передних лап, вооруженных крепкими когтями. Ими она способна выскрести дыру даже в здоровом дереве.

Сила лап и когтей у нее так велика, что она может в сухой, твердой земле закопаться в одну или в две минуты.

Часто охотники, неожиданно наталкиваясь на ехидну и раздумывая, как подступить к колючему зверю, дают им возможность своим минутным размышлением исчезнуть под землей.

Встретить ехидну в лесу очень трудно. Она выходит на добычу в сумерки, и в это

время ее темная шкура хорошо сливается с землею. Кроме того, ехидны обладают тонким слухом и при опасности зарываются в землю. Легче обнаружить присутствие ехидн днем по разрытой земле. Этот зверь, с птичьим клювом, вызвал вместе с другим своим близким родичем и земляком—утконосом—большое изумление в ученом мире больше ста лет тому назад.

Но лишь сравнительно недавно, в 1884 г., двум ученым почти одновременно удалось открыть, что оба эти диковинные птицы-звери несут яйца.

Утконос высиживает их в своем логовище, а ехидна опередила своего земляка и имеет более совершенный способ выводить детей.

Ко времени снесения яйца у нее на животе появляются складки кожи или, вернее, сумка, в которую мать вкладывает белое, покрытое упругой скорлупой яйцо. Эта сумка представляет собой лучшее гнездо, чем логовище из трав у утконоса или птичьи гнезда. Для такой сумки не страшны ни холод, ни дождь, ни различные хищники.

Когда от теплоты тела из яйца выйдет детеныш, то он еще долго остается в этой сумке, слизывая сочащееся молоко. У ехидн нет сосцов, как у других зверей, и молоко сочится прямо из мелких дырочек в сумке.

Когда детеныш вырастет настолько, что с трудом помещается в сумке, то мать освобождается от него, и он начинает сам добывать себе пищу. Сумка же у матери исчезает до следующего года.

Это удивительное размножение зверей, несущих яйца, дало повод назвать их низшими млекопитающими, однопроходными.

Более правильное название, а именно — первичных млекопитающих, дает им Гааке, который и открыл в 1884 году в городе Аделаиде яйцо ехидны и ее сумку.

Как утконос, так и ехидна несут яйца с кожистой белой скорлупой, поэтому упругостью яйца их более похожи на змеиные, чем на птичьи.

С другой стороны, высиживание яиц утконосом или вынашивание их в сумке, как это происходит у ехидн, делает их похожими

на птиц. А их роговые клювы и отсутствие зубов тоже приближает их к птицам, но это только внешнее сходство.

Все строение скелета, мышц, а также и присутствие молока говорит за то, что ехидны и утконосы—первичные или низко-развитые звери.

Известно, что растение на плохой почве не дает ни хороших цветов ни хороших плодов.

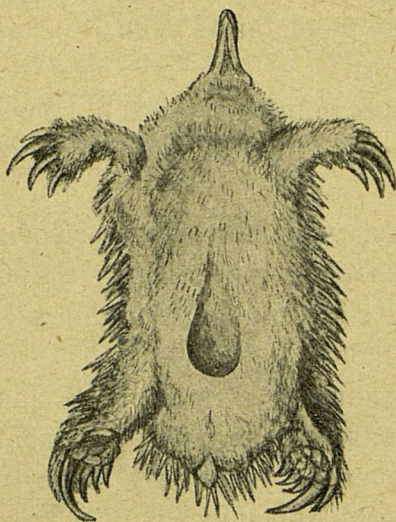
Известно также, что для того, чтобы вывести хорошую породу животных, нужно иметь хороших родителей и создать для животных хорошие условия.

Таким путем человек вывел быстрых, как ветер, скакунов и тяжелых сильных битюгов.

Нужно было человеку увеличить сало у свиней, и он вывел хороших породистых свиней, которые еле-еле могут ходить; захотелось ему улучшить шерсть у баранов и он вывел породы мериносов; с этой же целью человек создал породу ангорских коз.

А сколько развел он пород собак, кур, голубей!

Но наряду с такими породами мы видим много захудалых пород. Возьмите коров и овец, дворняжек, обыкновенных кур и голубей.

О них человек тщательно не заботится, и поэтому они за 2000—5000 лет мало изменились. В природе мы можем наблюдать то же самое, но только в несравненно более сложном виде, насколько весь

мир сложнее даже самого крупного хозяйства.

Ученые считают, что прошло много десятков тысячелетий, как Австралия отделилась от Азии. Отделилась она тогда, когда

звери были еще более, чем теперь утконос и ехидна, похожи на птиц и пресмыкающихся.

Сухая, пустынная местность замкнутого небольшого материка Австралии и много других причин мешали совершенствоваться этим животным

А на необ'ятных пространствах Азии, Африки и Европы слабые звери исчезали, погибая от хищников, а сильные размножались и улучшали породу.

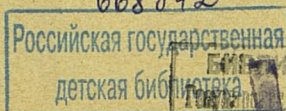
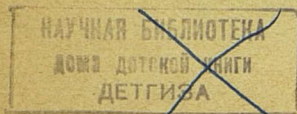
Кости видов, родственных утконосам и ехиднам, которые откапывают в Европе,— погребены в таких слоях земли, которые образовались очень давно.

Таких животных в древние времена водилось много, но постепенно они видоизменялись и образовали более совершенные породы, какие мы видим теперь во всех частях света, за исключением Австралии.

Оттого ученые и называют австралийских животных живыми ископаемыми.

Относительно ехидны нужно отметить, что не только размножение ее и отсутствие

668842

сосцов указывают на простоту ее устройства, по сравнению хотя бы с ежом, но и умственные способности ее крайне ничтожны. Впрочем, образ жизни ехидны настолько прост, что не требует особенного умственного напряжения.

Мозг у нее очень маленький. Из органов чувств лучше всего развит слух. Раковин у ехидны нет, а узкую длинную слуховую щель закрывает складка кожи.

Этот слуховой проход, вместе с наружной складкой, окружен иглами, которые совершенно закрывают его.

Интересно, что у самцов ехидны, как и у самцов утконосов, имеются на задних ногах шпоры. В этих шпорах есть отверстие, и это послужило поводом к тому, чтобы оклеветать невинное животное.

Жидкость ехидны, находящуюся в этом отверстии, считали ядовитой.

Но это оказалось вздором. И название чудовища совсем не применимо к этому безвредному зверьку, все средства защиты которого заключаются в его иглистой шкуре.

В Голубых горах Австралии мне пришлось заночевать в одной гостинице.

Хозяин ее оказался настоящим австралийцем, так как еще его отец родился в Австралии. Дед его переехал туда в 1789 году.

В виде вещественных доказательств он показывал мне несколько вещиц старинной работы, а также целую полку книг своего деда.

— Вот,—сказал он мне,—не хотите ли почитать на ночь какую-нибудь старинную книгу? Это лучше всякого снотворного!

— О, с большим удовольствием посмотрю эти древности,—сказал я.

Интересного в них, однако, оказалось мало: большинство книг составляли календари, лечебники, стихотворения мало известных поэтов.

Я бегло проглядел эти столетние памятники и хотел уже заняться чем-нибудь другим, как случайно, неизвестно почему, я вновь взял одну растрепанную книгу и увидел, что это не календарь, а старинный Лондонский журнал.

Я начал перелистывать его и убедился, что за сто лет английские журналы очень мало изменились. В начале книги был помещен какой-то роман, потом рассуждение о человеческих добродетелях, несколько стихотворений... наконец, я наткнулся на обозрение лондонской жизни. Эта статья сразу заинтересовала меня.

Прочел ее я с большим интересом, а потом выписал некоторые места из этой статьи.

Она начиналась так:

„Достопочтенные джентльмены, я имел великую честь познакомиться с мужественным капитаном корабля Хэппи.

Конечно, всем лондонцам известно, что этот корабль прибыл из Австралии, той удивительной страны, которая долгое время будет изумлять не только нас, но и наших потомков, теми капризами природы, которые там встречаются на каждом шагу.

Да, мои высокочтимые читатели, не чем иным, как капризами природы, нельзя назвать некоторые растения и животные. По-

добно капризной лэди, выдумывающей разные причуды, природа Австралии задалась целью производить там все не так, как это существует в Европе, Азии, Африке, Америке...

Но если нас, обыкновенных смертных, только поражают курьезные звери, которые ходят на двух ногах, птицы, обросшие шерстью, и дерево, покрытое травой вместо листьев, то ученым это создает такие головоломные загадки, что можно только пожалеть об их здоровье.

Вот и сейчас я хочу представить своим высокочтимым читателям сведения, которые я собрал на корабле Хэппи об одном австралийском звере. Зверь этот, может быть, еще более покажется удивительным, чем уже известные нам.

Конечно, если бы дело ограничилось одними рассказами, то достопочтенные джентльмены могли бы даже усомниться в истинности слов капитана Хэппи.

Я с радостью могу сказать, что я не только имел удовольствие слышать его рас-

сказы, но и видел шкуру необыкновенного зверя.

Зверь этот напоминает нашего ежа, — но только гораздо крупнее его и иглы его толще.

Лапы его, в особенности задние, снабжены необыкновенно сильными когтями.

На задних лапах есть даже особые шпоры, как у наших петухов. Оказывается, эта шпора имеет дырку, через которую выливается ужаснейший яд. Горе тому человеку или животному, которого оцарапает эта шпора.

Человек лишается возможности двигать своими членами, говорить, есть, и умирает в адских мучениях.

Но капризная природа не ограничилась созданием этих ужасных шпор. Она дала этому животному вместо морды какую-то роговую трубку вроде спринцовки, с очень узким отверстием на конце.

Я стал втупик перед такой курьезной мордой. Как и чем может животное питаться через отверстие не больше одной - двух линий в диаметре?

Согласно предположению капитана и его помощников, этот зверь, должно быть, пробуравливает своей трубкой кожу зверей, на которых падает, и сосет их кровь.

К счастью для людей и животных, эти звери небольших размеров.

Хорошо еще и то, что ехидна имеет такой отталкивающий, противный вид, что каждый, даже не будучи знаком с ее ужасными свойствами, испытывает при виде ее непреодолимое отвращение и не имеет желания близко познакомиться с ней.

Впрочем, я должен сказать, что храбрый капитан Хэппи не испугался при виде этого исчадия ада.

В первый раз капитан Хэппи увидел ехидну в лесу. Он бросился на нее и хотел схватить ее.

Но это удивительное существо на их глазах вошло в землю и бесследно исчезло там...

Лишь случайно капитану удалось добыть у черных ¹⁾ шкурку ехидны; он и его спутник

¹⁾ Австралийские дикари.

признали, что у зверя, который на их глазах провалился сквозь землю, была точь-в-точь такая же шкурка“.

Вот в кратких словах те сведения, которые люди имели сто лет тому назад о неведомом звере.

Думаю, что мои читатели узнали в этом ужасном звере невинную ехидну.

Едва я успел сделать выписки из этой статьи, как вошел хозяин гостиницы.

Я рассказал ему, что в его книгах я нашел забавное описание ехидны.

Он усмехнулся и сказал:

— Ехидна и теперь может внушить ужас человеку и наделать ему немало вреда.

— Каким образом? — удивился я, — неужели и вы верите, что ее шпоры ядовиты?

— Нет, конечно, нет, но я вам расскажу то, что случилось не сто лет, а всего восемь лет тому назад, как раз в комнате, где вы теперь сидите.

У меня остановился один натуралист. Бродил он по всей Австралии и собирал

камни и всевозможные руды. Знающий был человек, только простоват для наших мест.

Были у меня тут в то время трое славных ребят-искателей. Шарили они по горам; тоже думали руду драгоценную найти. Выпытывали они у натуралиста, где он был, где какая руда находится.

А тот, по простоте душевной, еще на картах им показывал и советовал, куда им итти на розыски.

Захотели они отблагодарить его напоследок. Собрались уходить от меня вечером и после ужина предложили ему выпить с ними вина.

Подсел тот к ним поболтать в компании. Едва они уселись, как один из них встал и пошел наверх, не возбудив никаких подозрений.

Вдруг раздаются отчаянные крики сверху.

Кинулись мы все туда с лампами, свечами... и что же увидели?..

Этот малый стоит с перекошенным от ужаса лицом и трясет какой-то ящик.

Я сначала не мог ничего понять. Только удивился, зачем он в чужую комнату зашел? А натуралист сразу смекнул, в чем дело.

Что же оказалось? Этот самый малый, сговорившись с остальными, захотел пошарить у натуралиста: нет ли у него слитков золота.

Когда он начал шарить, то всунул впотьмах руку в какой-то ящик и не мог ее вытянуть назад.

В этом ящике у натуралиста была живая ехидна. Почувствовав прикосновение, она свернулась в клубок и свободного места между рукой и стенками ящика не оказалось. Дверка была узкая, и ехидна надавила своими иглами руку вору.

Мы же не могли понять, отчего он не может руку выдернуть.

Начали дергать ящик, еще пуще заревел вор.

Когда же натуралист рассказал нам, что у него тут ехидна, то мы отодрали доску от ящика и высвободили руку.

Ну и рука же была! Ух, даже страшно вспомнить: из одной артерии кровь фонтаном била.

Натуралист перевязал ему раны и спросил, как он попал в его комнату.

Ответа не последовало.

Не успели мы опомниться, как товарищи его поспешно увели его из гостиницы.

Больше мы их не видели...

— А что стало с ехидной?— спросил я.

— А что с ней могло случиться?—ничего! Она сама себя не исколет,—ответил хозяин гостиницы.

Я пытался расспрашивать его, не знает ли он еще чего-нибудь о ехиднах, но он больше ничего не мог рассказать. Он знал, что они водятся в лесах, но ни разу не находил их сам.

Он говорил, что белым очень трудно найти ехидну, и что только дикари умеют отыскивать их в муравьиных кучах и у вывороченных корней.

Дикари считают мясо ехидны лакомым блюдом; они жарят их вместе с иглами прямо на углях.

Белые за ними не охотятся, кроме натуралистов, которые добывают их для научных целей.

Других врагов у ехидн мало. На острове Тасмании их поедает сумчатые волки, а в Австралии за ними охотятся динго (одичавшие собаки, ввезенные в Австралию очень давно).

Ехидн можно причислить к полезным животным, так как они уничтожают мелких насекомых, вредящих деревьям, подобно нашим дятлам.

Различают несколько видов ехидн: так называемую Австралийскую, Тасманскую и Ново-Гвинейскую, с загнутым книзу и более длинным клювом.

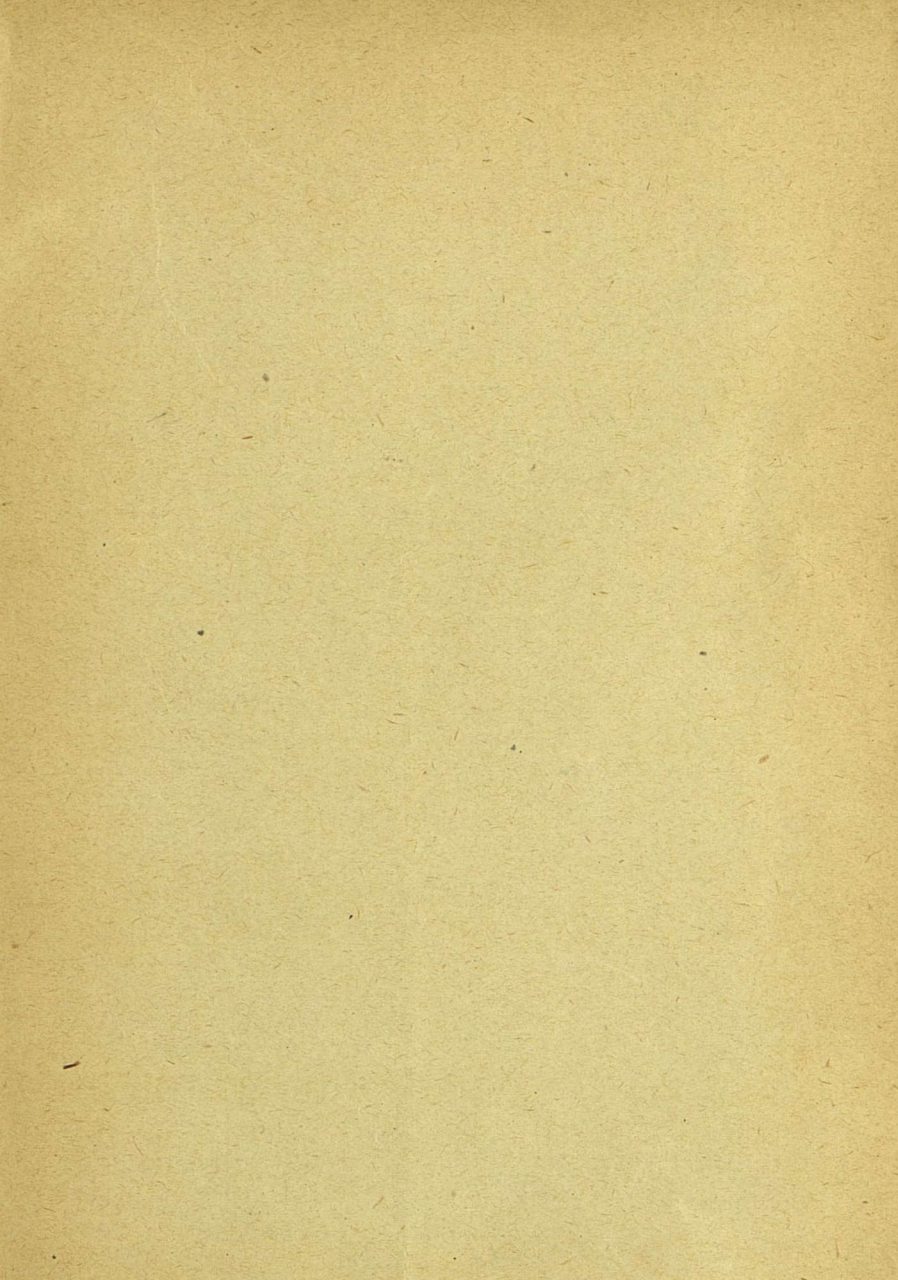
Теперь ссора Владимира Владимировича и Калии Дмитриевны должна нам представиться совсем в другом виде.

Если бы Калия Дмитриевна знала кое-что про ехидну, — страшное ругательство „порождение ехидны“ не вызвало бы в ней такого ужаса.

Что касается меня, то я дал бы много, чтобы иметь возможность наблюдать, как ехидна, единственная из зверей, вынашивает яйца.

К сожалению, мне, как и многим другим натуралистам, не пришлось сделать каких-либо новых и ценных наблюдений над жизнью ехидн.

А много, много еще остается неизвестного в жизни этого странного по названию, но безобидного в действительности зверька.

100=

К

ЦЕНА 10 коп.

Адрес издательства

Кузнецкий мост, 13. Тел. 4-82-73

Адрес магазина

Никольская, 12. Тел. 82-33

Центральный книжный склад

Лубянский пассаж, пом. 25—30

Тел. 3-45-04

29 июл 1942